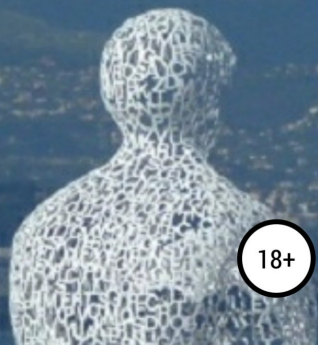

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

**Удача
не бывает
случайной**

18+

Юрий Горюнов

Zero. Удача не бывает случайной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415602

SelfPub; 2018

Аннотация

Огромная немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле... Действие происходит в Латинской Америке. Книга 4 из серии Zero.

ZERO. Удача не бывает случайной

1

Огромная, немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле. Моя жизнь зависела от краткого мгновения, не секунд, мне их никто не дал, а именно от мгновения, выданного мне на удачу, судьбой или Всевышним. Но с ним я не был знаком, чтобы попытаться договориться, поэтому рассчитывать мог только на себя. Какие там мысли? У меня, как у животного остались одни инстинкты в минуты опасности – выжить.

Я резко «выбросил» правую руку вперёд навстречу, летящей на меня овчарки, и она влетела в её горло почти по локоть; пальцы мгновенно сжали её язык, и я с силой повернул руку, увлекая язык. Собака завизжала от боли, её клыки не успели сомкнуться, а я продолжал вращение. Тело овчарки чуть повернулось по направлению вращения моей руки и рухнуло на меня в конвульсиях. Ее была крупная дрожь, а глаза, смотревшие на меня со злобой, но если бы она была человеком, то я бы сказал, что с удивлением, стали туск-

неть. Жизнь покидала её, но моя жизнь оставалась со мной. Я вырвал, не сохранил, а именно вырвал свою жизнь из лап смерти в последнее мгновение. Челюсти так и не сомкнулись полностью, на моей руке.

Когда она утихла, я осторожно вынул руку из её горла и сбросил овчарку с себя. Она была уже мертва. Длинный язык вывалился из пасти, которая осталась открытой в смертельной агонии.

– Это было честно, – произнес я, глядя на неё. – Я тоже был без оружия. Либо ты меня, либо я тебя. Мне повезло больше.

Я откинул голову на траву и посмотрел на голубое небо сквозь ветви деревьев. Солнце слабо пробивалось сквозь густую крону деревьев, окружавших меня, и лишь отдельные его лучи достигали земли. Была приятная прохлада. Усталость от бега и нервное напряжение от схватки давали о себе знать. Я испытывал некую опустошенность и лежа на траве, чувствовал, как она приятно холодит разгорячённое тело, но вернулся мыслями к схватке за жизнь.

Я знал этот приём защиты от собак только теоретически, когда объясняли в учебке. Практики не было. Мысленно я поблагодарил своих учителей, которые научили выживать на одних животных инстинктах. Ни один мозг не мог дать команду на приём, только инстинкт и опыт на самосохранение.

Я улыбнулся. Надо же! Сколько у меня было в жизни ситуаций, а борьба с собакой впервые. И это для меня, развед-

чика-нелегала, у которого убийство – крайняя мера, только ради спасения собственной жизни.

Остаться рядом с собакой было опасно, за ней следовали мои преследователи, которым я не очень нравился. Посмотрев по сторонам, я увидел слева от себя кустарник, а справа небольшую поляну. Первая мысль – отползти в кусты, но я её тут же прогнал, слишком просто. Они в первую очередь начнут прочёсывать кусты, зная, что я устал и далеко не мог уйти. Ещё раз взглянул наверх. Надо мной было большое толстое дерево, с густой кроной.

«Ну, что, надо попробовать» – сообщил я себе неприятное известие о дальнейших планах. – «Они не будут искать меня на дереве, считая, что я слаб, чтобы залезть на него. Но это они так думают, ты должен думать не стандартно». В голову пришло задание из учебки, требующего нестандартного мышления, когда меня ещё не готовили для индивидуальной работы нелегала-одиночки.

«Человек, каждое утро спускался на лифте, отправляясь из многоэтажного дома на работу. Вечером, возвращаясь, он поднимался до десятого этажа на лифте, а далее шёл пешком. Почему он так делал? Версий всегда было множество, а ответ один – он был карлик и не доставал до верхней кнопки».

Понимая, что я трачу драгоценное время на глупости, тихо поднялся, прислушиваясь к своему телу. Оно было уставшим, но без повреждений, лишь рука немного ныла, видимо

чуть зацепило клыками.

Обхватив по мере возможности ствол, я начал медленно влезать на дерево. Главное было не останавливаться и держать мышцы в напряжении; стоило их чуть расслабить и я упаду, а поднимусь ли второй раз, был для меня сложный вопрос. Упорно я поднимался вверх, как учили, и достиг середины кроны. Перебрался на ветку с противоположной стороны ствола, откуда предполагались преследователи, чтобы они не увидели меня издали, и затаился среди густой листвы. Ждать пришлось не долго, и вскоре я услышал голоса. Бегом к месту схватки приближалось трое мужчин: один худощавый, высокий, второй плотный среднего роста, а третий высокий, широкоплечий. У каждого из них висел автомат, поверх комбинезона.

– Смотрите. Сюда, – позвал худощавый, своих соратников, подбежал к собаке и остановился рядом с ней, разглядывая её. К нему присоединились остальные.

– Что он с ней сделал? – спросил худощавый. – На ней нет ни одной раны, но она мертва.

– Не простой видать парень, если смог убить нашего Боса, – сделал вывод другой и присел перед собакой. – Да у неё почти вырван язык! Ничего себе. – И резко поднялся. – Он где-то недалеко, время потратил на борьбу с Босом, да и устал, как и мы от бега. Надо проверить поблизости, посмотреть вон в тех кустах, – и он указал на кусты, в которые меня погнала первая спасительная мысль. – Иди, проверь, –

обратился он к художавому.

– Еще чего! – ответил тот возмущенно. – Если он с собакой мог такое сотворить, то, что ему стоит свернуть мне шею. Лучше я так, – он приблизился к кустам и начал поливать их огнем из автомата, который снял со спины. Тишину леса разрывали звуки выстрелов. Он поливал кусты свинцовым огнем, срезая ветки, которые с хрустом падали на траву.

– Хватит, давай посмотрим, – сказал широкоплечий.

– Вот идите и смотрите, я здесь постою и вас подожду, – художавый вернулся и встал под дерево, на котором я сидел. Его напарники стали осторожно приближаться к кустам, а художавый смотрел им в спины.

«Ну что же, – решил я, – ты сам выбрал себе путь на тот свет, если он существует. Во всяком случае, тебе его придется пройти. Если бы я там спрятался, то был бы уже мёртв, благодаря тебе», – и замер в ожидании момента.

Художавый устав наблюдать за медленным перемещением напарников, решил полюбоваться небом, поднял голову и замер с открытым ртом, увидев меня в кроне дерева. Давать ему повод, усомниться, что это не видение, а реальность, а уже тем более что-либо сообщить своим напарникам, я не собирался и рухнул на него, подминая под себя. Руки машинально делали своё дело, применяя «тихое убийство», а именно сворачивая ему шею, тут же подхватывая автомат из его ослабевших рук.

Его напарники обернулись на шум, но было поздно, авто-

матная очередь прошла по обоим, и они, не издав, ни звука с изумлёнными лицами упали в траву.

Я сел, прислонившись спиной к дереву, не выпуская из рук автомат.

«Многовато что-то в этой операции смертей, так много я ещё не убивал, не в моих это правилах» – думал я про себя. – «Ну, да не я это начал, это просто самооборона. А ваша беда, парни, что вас послали за мной».

Просидев минут пять, я поднялся, посмотрел, что в карманах преследователя, отцепил фляжку, и, открыв крышку понял, что это бренди. Нашел в кармане зажигалку и тоже прихватил с собой, а также нож. В дороге пригодиться. Всё, пора было покидать это место. Убежал я недалеко, и не факт, что за ними, ввиду их отсутствия, не пойдут другие. Надо было уходить. Беспокоило только, чтобы с другими, не было собаки. Задача стояла выйти на дорогу, а там разобраться, в каком направлении продолжать путь к свободе.

Приняв решение, я поднял автомат, ещё раз окинул взглядом поле боя, и сделал выстрел в собаку, чтобы была видимость, что она погибла от пули, а затем углубился в чашу леса. Лес был не такой уж и редкий, приходилось идти осторожно, чтобы случайно не наступить на сухую ветку. Косые солнечные лучи падали между деревьев и земля была в золотых пятнах. Тишина и покой леса нарушались лишь шумом веток, качаемых ветерком, но это спокойствие для меня могло быть последним, потому приходилось быть очень

внимательным.

Ушёл я не далеко, как услышал слабые голоса, лая собаки слышно не было, а значит, я оказался прав, за ними идут другие, видимо слышали автоматные очереди, и пошли на помощь. Не поддаваясь искушению идти быстрее, я взял ещё правее. Шёл медленно на Запад, почти весь день. Когда хотел пить, то в лесу находил либо ручей, либо болотце. Выкапывал рядом маленькую ямку, и вода, используя землю, как фильтр, наполняла её. Я черпал воду руками и пил, а затем запивал бренди из фляжки, как тогда в Африке, чтобы исключить вероятность отравления, используя алкоголь, как обеззараживающее.

Во время привалов я доставал записи, которые прихватил из офиса, откуда сбежал, где натворил бед и потому меня и искали, заучивал имена, изучал финансовые схемы. Нужно было всё это запомнить, хотя бы максимум. Опыт запоминания имелся, нас этому учили. Выходить с такими документами к людям я не мог. Я гонял свою память, повторяя прочитанное, и лишь когда понял, что она хранит, то, что мне нужно, я рвал листки на мелкие кусочки, перемешивал их и уже по пути, выкапывая ямки, по частям закапывал, чтобы исключить самую глупую случайность их найти. Ближе к вечеру я вышел на просёлочную дорогу. Не забывая голову направлением, я вновь повернул направо, подсознательно понимая, что база осталась слева.

Километров через пять, грунтовая дорога вывела на шос-

сейную. Куда и откуда она шла я не знал. Свернув вновь направо, я пошёл вдоль обочины, но не прошёл и две-три сотни метров, как услышал шум приближающейся машины, которая шла сзади в моем, же направлении. Встав за дерево, я стал дожидаться её появления, и вскоре увидел армейский открытый джип, в котором было два солдата в форме солдат американской армии.

Я решил рискнуть. Выбор был не велик, либо выйти к ним, либо самостоятельно искать выход. Повесив автомат на ладонь и, подняв руки, показывая мирные намерения, я вышел из-за дерева, когда машина была уже метрах пятидесяти от меня. Я не хотел получить пулю, напугав их своим неожиданным появлением с автоматом на шее, вот и повесил его на руку. В глухом лесу легче сначала выстрелить, а потом разбираться. Во всяком случае, в таком глухом месте это было бы нормально.

Увидев меня, водитель стал притормаживать, а сидящий рядом мгновенно достал автомат и направил на меня. Джип остановился

– Положи автомат и подойди, – приказал тот, что с автоматом. Я медленно положил его на землю и приблизился.

– Руки не опускать, – снова приказал он, и, увидев мою реакцию, сообразил, что я понимаю его.

Тот, что с автоматом был в звании сержанта. Он вышел из машины, это был крупный мужчина лет тридцати, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, широк в плечах.

Короткие волосы выглядывали из-под широкополой шляпы, защищая лицо, от жаркого солнца, и встал напротив меня, разглядывая, и было что. Одежда моя была испачкана, руки тоже. Его глубоко посаженные глаза внимательно изучали меня.

– Кто такой и как здесь оказался?

– Я Жан Марше, журналист, – ответил я по-английски. – Заблудился, вышел к какому-то полю, где меня обстреляли и отправились в погоню, но мне удалось убежать.

– А автомат тебе подарили преследователи? В догонялки играли или в войну? – иронично спросил он. – Дик, – обратился он к водителю, – посмотри у него документы.

Дик вышел из машины. Этот был помельче, но всё равно достойный экземпляр американской армии. Контрактники, – решил я.

Дик, подойдя ко мне, обыскал, достал паспорт, полистал его и подтвердил: – Он именно тот, как себя назвал, а уж журналист или нет, не известно.

– Возможно, только я не слышал, чтобы журналистам выдавали оружие. Ладно, позвони майору, сообщи ему о встрече. Пусть разбирается.

Дик залез в машину и по рации сообщил обо мне, а затем крикнул: – Джо, майор приказал привезти его к нему.

– Поехали, хоть нам и не по пути, оказывается, – известил меня Джо. – Достань веревку и свяжи ему руки, – приказал он водителю. – Так на всякий случай, – сообщил он, обра-

щаяся ко мне, – а то кто тебя знает, что ты умеешь, кроме того, как таскать автомат по лесу, пугая зверей.

Дик выполнил его указание, связав мне за спиной руки, а Джо, подобрав автомат с земли, сел со мной на заднее сиденье. Машина развернулась и поехала в обратном направлении. Вскоре мы проехали поворот, откуда я пришёл, и направились дальше, что меня порадовало. Километров через десять, машина подъехала к воротам, что были среди высокого забора, закрывавшего территорию от любопытных глаз. И всё это среди леса. Едва мы подъехали, как ворота открылись, видимо нас уже ждали.

Когда въехали на базу я осмотрелся, солнце уже почти скрылось за деревьями, но это не помешало мельком окинуть территорию; была она не очень большая, с компактно расположенными зданиями: несколько ангаров, здание с антеннами, и прочие строения, что так необходимы для армейской жизни. Все сооружения были одноэтажные и располагались среди деревьев. При строительстве вырубали деревья там, где только ставили строения. С воздуха сразу и не заметишь эту территорию, лес и лес. Мы подъехали к дому, с небольшой верандой, на крыльце стоял мужчина лет сорока, смуглый, загорелое лицо которого, с любопытством наблюдало за нашим приближением.

Выйдя из машины, Джо доложил майору, а это был он, и передал ему мой паспорт. Тот пролистал его, и приказал: – Развяжите. Пошли, – и, открыв дверь, вошел внутрь, не обо-

рачиваясь.

Мне развязали руки, и я в сопровождении Джо отправился следом за майором, заметив по пути на веранде кресло-качалку, что несколько удивило меня. Но у каждого свои слабости и, наверное, майор любил, покачиваясь в кресле, наблюдать за ходом жизни на беде. Пройдя по коридору, Джо указал на дверь, справа, что была открыта, где за столом уже сидел майор. Обстановка в кабинете была достаточно казенной. Из окна, за спиной майора, была видна лужайка, которая обтекала огромное дерево, листья которого не позволяли пробиться жарким лучам в кабинет.

– Присаживайтесь, – предложил он мне. – Сержант, поставьте кого-либо в коридоре, а пока закройте дверь.

Когда дверь за сержантом закрылась, он положил мой паспорт, что держал в руке на край стола, и, посмотрев на меня в упор, произнес:

– Расскажите мне, как вы оказались в этих краях, и что здесь искали?

Я не стал отводить взгляд и, придав своему лицу, выражение готовности к сотрудничеству, начал рассказывать. Обманывать сильно мне не было смысла, и я рассказал, почти все, начиная от выезда из Буэнос-Айреса.

За время моего повествования, майор ни разу меня не перебил, лишь следил за моей интонацией и мимикой. Когда я закончил, он вымолвил, проявив обычный интерес: – Звучит убедительно. Вы забыли сказать, сколько было преследова-

телей, и как у вас оказался автомат?

Вопрос был с подвохом, который мог быть проверен. Если скажу, что трое, то получается, что мне повезло. Автомат был тем аргументом против меня. Надо же журналист, а справился с тремя вооруженными людьми, и точно не простаков. Скажу один – то почему убежал. Всё же я решил пока не говорить всего.

– Точно не знаю, я оглушил одного, забрал автомат и побежал дальше.

– И как вам это удалось?

– Я залез на дерево, в надежде спрятаться, а тот бедолага, у которого я отобрал автомат, остановился под ним, и случайно подняв голову, увидел меня. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть с дерева на него. Я не знаю, что у него было тогда на уме, но если меня преследуют с автоматом, я не имею привычки вставать на пути пуль.

– Хорошая привычка, и видимо не в первый раз. Крутой парень. Оставьте эти сказки для других. Не пройдет, во всяком случае, со мной.

– Не пройдет?

– Нет.

– Я не крутой, а просто мужественный.

– Ладно, – не стал погружаться в дискуссию майор, – как вы понимаете, я не могу верить вам на слово. Побудете пока у нас, а мы тем временем наведем о вас правки. Время позднее. На этом закончим. Разберемся.

– Я понимаю.

– Ваше понимание мне ни к чему. Вы должны радоваться еще одному дню жизни. Я пока не имею желаний вас убивать. Но кто знает, что будет дальше.

Он встал из-за стола, открыл дверь, и, выглянув в коридор, сказал: – Войди – и вернулся в кабинет к столу. За ним вошёл солдат

– Отведи его в казарму, запри в одиночной камере.

Я встал и обратился:

– Извините господин... – и замолчал, не зная, как к нему обращаться, он понял

– Майор Ренойльд.

– Извините, майор Рейнольд, а могу я умыться?

– Пусть умоется, и дайте ему поесть. Молите Бога, – обратился он ко мне, – чтобы вы оказались тем, кем представились. И ещё, подумайте, может быть, что вспомните поподробнее. Освежите память. Время у вас пока есть.

Я, в сопровождении солдата, вышел на территорию, и пока мы по ней шли, я внимательно изучал её расположение, хотя сумерки уже закрыли всё, а фонарями она не освещалась, лишь светом из окон. Ни одного вида техники, всё в ангарах, нет ни одного празднично шатающегося солдата. Было тихо и даже уютно. Войдя в казарму, мне дали возможность умыться, а затем отвели в камеру. Едва я вошёл, дверь закрылась. Помещение было маленькое с минимумом мебели: кровать, стол, стул, а в углу ведро, наполовину наполненное

водой. В его предназначении сомневаться не приходилось. Маленькое окно было забрано решёткой. Под потолком светила слабая лампочка, затянутая сеткой.

Помещение предназначалось видимо для своих провинившихся, а не таких гостей, как я. При желании отсюда выбраться не составляет труда, но вот зачем?

Мне принесли поесть, и затем унесли всю посуду, оставив большую кружку с водой.

Время у меня было; я лег на тонкий матрас, что закрывал доски кровати и предался воспоминаниям. Они начались с серого августовского дня на Монмартре в Париже.

2

– Грустим? – услышал я голос рядом. Я знал, кто это спросил, как и слышал его шаги. Это был Николя, владелец одного из многочисленных магазинчиков, здесь же на Монмартре. Мы познакомились на теме картин, которые я иногда покупал для своей галереи. Ему было за шестьдесят, но разница в возрасте никак не сказывалась на наших отношениях. Он был по-житейски мудр, а я был профессионально опытен. Здесь, в этом кафе, мы иногда и встречались, даже не договариваясь предварительно.

– Есть такое дело, – ответил я, не поворачивая головы. – Присаживайся, а то погода наводит скуку на моё одиночество, – намекая на моросящий дождь.

– Глядя на проходящих людей, я порой думаю, что я на маскараде, – высказал он мысль, все ещё стоя рядом.

– Надо знать правила маскарада.

– Я их знаю, так как сам ношу маску.

– Всегда?

– Нет, конечно, – хохотнул он, – но если не хочешь, чтобы тебя узнали, не снимай её.

Если бы он знал, как близок к истине, что я, надев маску много лет назад, так и не снимаю её.

– Знаешь, какое главное правило маскарада?– продолжил Николая.

– Нет.

– Не заглядывай под маску смерти.

Он стоял рядом со столиком, а я сидел. Мы оба смотрели на улицу, и каждый задумался о своём. Мелкий дождь выстукивал по листьям свою едва слышную мелодию. Окружающая обстановка навевала грусть. Август был теплым, но серая пелена дождя накладывала отпечаток на моё состояние. Не могу сказать, что я пребывал в расслабленном состоянии, что было роскошью для меня, но и находиться в напряжении не видел смысла. Опыт. То, что ожидало меня впереди, никуда не исчезнет.

Сегодня утром, проходя по галерее одного из крупных магазинов, я увидел сигнал, что в тайнике для меня оставлена информация. По метке я знал, в каком тайнике она лежит. Их было несколько, чтобы я не появлялся в одном и том

же месте часто, но на этот раз место было не самое удачное, прийти туда я не мог просто так, требовалось искусство перевоплощения.

Я был профессионалом, и об этом мне не следовало забывать, поддерживая, как нервную, так и физическую форму. Конечно, и у меня бывают перепады настроения, но моя жизнь отличалась от обычной. Я должен был уметь отключать неизвестно, какую часть мозга, которая в данный момент была не нужна для решения задачи. Но вот беда, всегда появляются посторонние мысли, которые пытаются сбить с толку, помешать, врываясь или вползая в мозг, и я должен был уметь противостоять. И умел, научили.

«Ну что же, – решил я в тот момент, – значит, закончилась моя спокойная жизнь». Я не стал забивать себе голову мыслями о том, что там может быть и как быстрее изъять информацию. Поспешность не была спутницей в моих делах. Задание было обязательно в другой стране. А здесь, в Париже, я жил. Наверное, это было исключение, что разведчик – нелегал, а я им и был, не работал в стране проживания. Но так было и так будет.

Сейчас я хотел подарить себе ещё немного времени, подарить наслаждение покоем и этим прекрасным городом, прежде чем покинуть его, не известно на какое время. Этого не мог знать никто, но я всегда надеялся вернуться сюда.

До прихода Николая, я сидел в одиночестве на веранде в своем любимом кафе на Монмартре, где любил сидеть и на-

блюдать за прохожими, где я мог погрузиться в свои мысли, изредка отвлекаясь, чтобы отпить вина из стакана. Легкая непогода рассеяла толпы туристов, обычно мельтешащих и толкающихся локтями на узких улочках у лотков с сувенирами. Сейчас было относительно тихо. Сюда не доносился шум машин, лишь речь туристов со всего мира, создавала неподражаемый шум языкового коктейля.

– Ну что стоишь? Садись. Или тоже грусть одолела? – предложил я вновь.

Николя сел рядом и посмотрел на площадь, что была перед нами: – Во всем надо видеть свои радости, мой мальчик, даже в такую погоду. Она позволяет подумать, а не рассматривать толпы туристов, оценивая их.

– Зачем их оценивать?

– Да мы это делаем произвольно, когда сидим, когда у нас больше времени, и нечем заняться, вот тогда и смотрим, кто, как идет, кто, как выглядит. Развлекаемся. И в этот прекрасный момент безделья, у тебя временное затишье и ты можешь погрузиться в себя. Так что не унывай.

– Да, в гости пришли воспоминания о прошлом.

– Эх, куда тебя занесло! – засмеялся он. – Ладно я, мне много лет, а ты-то что?

– У меня тоже есть прошлое.

– Прошлое есть у всех, но у тебя впереди больше, чем позади и ты его ещё можешь оставить не оборачиваясь. Каким бы оно не было. Надо учиться жить заново, если дверь в эпи-

зод твоего прошлого закрылась, как будто того прошлого и не было.

– Легко говорить, – ответил я, понимая, что неизвестно большее у меня впереди или уже позади.

– Легко, когда созреешь для этого, понимаешь, что не стоит жить прошлым.

– Но прошлое нельзя забывать. Не волнуйся, – обратился я к нему, также смотря на немногочисленных прохожих, – я не погружаюсь в него так глубоко, так, вспомнились отдельные моменты.

– Жизнь постоянно заставляет нас двигаться вперед и постоянно ставит перед выбором, от которого зависит, как сложится судьба.

– А может быть, наоборот? Судьба ставит нас перед выбором?

– Тоже не плохая мысль. Ты мой, друг не по годам рассудителен.

– У меня есть серое вещество, которое иногда работает, правда его наличие не служит гарантией успеха.

– Ты прав, ему тоже надо отдыхать.

Я несколько месяцев назад вернулся из своей очередной поездки и по прибытию зализывал душевные раны, физических, к счастью, удалось избежать. Если бы они были, то не сидеть бы мне сейчас здесь и не вести беседы. Не жизнь, а судьба ставит перед выбором, который передо мной возникает постоянно. Главный свой выбор я сделал давно, ещё тогда,

когда едва выкарабкался из лап смерти. Тогда, после тяжелого ранения я получил предложение перейти на нелегальную работу в разведку. Я не очень долго думал, находясь в закрытом госпитале в одной из стран. Да и о чём было думать? Близких родственников у меня не было; родители погибли, а дальних я почти не знал. Я мог вернуться на Родину, но что там буду делать, не представлял. Моя военная подготовка не очень подходила к гражданской работе. Я владел многими видами оружия, рукопашным боем, знал несколько языков. Много чему учили, чтобы выжить или убивать. Меня уже тогда поставили перед фактом, что для всех я погиб. Я не обиделся на столь поспешное решение. А может быть, и не осознавал ещё, лишь потом я понял, что оно было разумным. Если бы решил вернуться, то сочли бы мою гибель ошибкой и списали, но я уже вкусил плоды своей службы и согласился. Снова началась учёба в одиночестве. Тогда я, Егор Зотов, и взял псевдоним «ZERO». Что мой псевдоним? Когда-то я взял его, объяснив свой выбор, и лишь потом прочитал в «Тайной доктрине» Блаватской Е.П., что «ноль становится числом, только когда одна из других девяти цифр предшествует ему, являя, таким образом, его сумму и мощь». Это было про меня. Мой выход наступал, когда совершалось какое-то событие, не без участия человека. Мне всегда предшествовал кто-то. И я должен был показать свою силу и возможности.

И вот уже много лет я живу под чужим именем. Все, что

было потом в моей жизни, из памяти не выбросишь, особенно первую поездку в Китай. Но это уже было в прошлом. Настоящим было только одно – я жил во Франции и был её гражданином. В эту страну я возвращался после задания. Здесь меня знали, как Жана Марше. К себе на Родину я с тех пор так и не выезжал, после принятия того судьбоносного решения. Сколько лет прошло. Кто я на самом деле – знали единицы, да и в личном деле были только ссылки. Если почитать его не понятно кто я на самом деле, а тот уже давно погиб. Там был лишь псевдоним. Я не встречался лично со связниками, лишь только с тем, кого знал много лет лично – снижая опасность провала. Исключить этого нельзя, но снизить вероятность надо. Я помнил, что предавать могут только свои.

И вот я сидел в кафе, бездельничая, отдыхая, стараясь отвлечься от предстоящего задания, и выдавая себя за бизнесмена, каким я впрочем, и был. Официально я владел не большим арт-салонem, иногда публиковал статьи об искусстве, занимался коммерцией. Во всяком случае, финансово я был независим, и даже можно считать обеспеченным. Изучению искусства я посвящал свое время в Китае, тогда и сделал это направление одним из своих прикрытий. Это помогало и в общении.

– Жан, – услышал я голос Николая. – Вернись. Уже проглядывает солнце, и народ вышел на улицы.

– Да, я вижу.

– Ну и хорошо, а то я подумал, что уйдя в себя, вернешься ли? – улыбался Николая глазами.

– Это не для меня. Я люблю жизнь.

– Вот, правильно мыслишь, – изрек он, отпивая из стакана, – нечего бродить по закоулкам памяти. У всего в жизни есть срок, так что не стоит уходить в себя. В этом мире и так просто заблудиться и надо попытаться стать счастливым в любом переулке на пути.

– Так уж и в любом?

– Я же сказал надо попытаться.

– И куда деть груз прошлого?

– Да ты что!?! – удивленно посмотрел он на меня. – Ты еще молод, прекрасно выглядишь. Это мы старики уже потеряли свой лоск, хотя в душе ещё молодимся. Это нам приходится слишком много таскать с собой на душе. У тебя в ней ещё полно свободного места.

– Да она у меня бездонна.

– И хорошо. Тебя должно интересовать многое, особенно женщины.

– Ты думаешь, они меня не интересуют?

– Я так не думаю, но вот обрати внимание, – и он указал взглядом за веранду, где у лотка остановилась молодая женщина, среднего роста, в белой блузке, легком пиджаке, тёмно-синей юбке. – Видишь её. Очень привлекательная француженка.

– Она не француженка.

– Почему?

– В это время, такие, как она, здесь не ходят. Одета более строго. Не из офиса вышла сюда.

– А давай узнаем? – предложил Николая.

– И кто пойдет? – спросил я.

– Странный вопрос, ты, конечно. Если я прав, то ты платишь, если ты прав – я.

– Договорились, – согласился я, чтобы как-то разнообразить этот день. Захотелось небольшого приключения, хотя их в моей скрытой от посторонних глаз жизни, хватило бы на несколько человек. Я вышел с веранды и подошёл к женщине.

– Извините, – обратился я к ней, и она подняла голову. Глаза её были глубоко синими, нос чуть в веснушках. – Вы француженка?

– Нет, – ответила она с акцентом. – А почему такой интерес?

– Мы с приятелем поспорили. Он говорит, что вы француженка, а я что нет.

– Я ещё ни разу не была предметом спора.

– Ну, всё бывает когда-то впервые, – улыбнулся я. – Не обижайтесь.

– А почему вы решили, что я не француженка? – Поинтересовалась она.

– Время не для посещения Монмартра, более строгая одежда, ну и так чутье. Чтобы оправдаться перед вами, я

приглашаю вас за наш столик. Мой друг Николая приличный человек, он владелец одного из магазинов здесь, на Мон-мартре.

– А вы приличный?

– Не то слово, я не знакомлюсь на улицах, но вы исключение. Так согласитесь разрешить наш спор?

Она чуть задумалась: – Ну, хорошо, я попробую испытать приключение в Париже. Пойдёмте.

Мы вошли на веранду и когда подошли к столику, Николая встал.

– Николая, позволь тебе представить... – тут я замолчал, давая ей возможность назвать себя.

– Сара.

– Присаживайтесь, – предложил я ей и, подозвав официанта, заказал вино для неё. – Меня зовут Жан. Кстати, Николая, Сара из Англии.

– Откуда вы знаете? – удивилась она.

– По акценту понял.

– Верно, я из Англии. А вы лингвист? – обратилась она ко мне. – Или медиум, раз поняли?

– Нет, я коммерсант, но много езжу и стал отличать, кто есть кто. Если у вас будет желание и время, я расскажу вам об этом потом поподробнее, – и заметил, как улыбнулся Николая.

Официант принес вино, и мы просидели около получаса, в течение которого узнали, что Сара приехала в Париж по

делам, но не в первый раз. Она хоть и ходила по Парижу, но наспех, не было времени, а вот сегодня ей захотелось без прежней суеты побродить по Монмартру, а если удастся, и по городу.

– Это у нас впервые такой спор, – пояснил я Саре. – Так было грустно, и мы вели пустой разговор. Он уверял, что меня в первую очередь должны интересовать женщины и вот тогда обратил внимание на тебя.

– И интересуют?

– Конечно, но чтобы как-то скрасить наше пари, я предлагаю тебе экскурсию по городу. Интересно? – решил я по-пробовать занять себя этим днем, отложив вопрос задания на потом. Это я мог себе позволить.

– Разумеется, – ответила Сара, с интересом рассматривая меня, оценивая, насколько я подхожу для роли экскурсовода.

– Париж притягивает своей изысканностью, – начал я. – Это город, по которому надо ходить не спеша, это город романтики. Когда ходишь по его улицам, площадям появляется желание заморозить время, остановить его, чтобы почувствовать его. Знаешь, когда просыпаешься утром, и в окно светит солнце, хочется выйти на улицу, зайти в кафе, выпить чашку ароматного кофе с круассаном. Это туристы быстро ходят, превращая осмотр в суету, и не замечают романтики Парижа.

– А что надо чтобы почувствовать его?

– Остановиться на улице, на мосту, посмотреть по сторо-

нам, чтобы сердце наполнялось нежностью.

– Тогда пошли. Ты так интересно рассказываешь, что хочется увидеть и почувствовать.

Николя сидел рядом и с интересом слушал нас. Поняв, что ему пора, он поднялся:

– Ну, все дети мои, мне пора и не по пути с вами. Желая вам приятно провести вечер. Жан, покажи даме Париж, но так, чтобы она не умерла. Мы перед ней в долгу.

– Всё сделаю, – ответил я, и когда он направился к выходу, напомнил. – Не забудь заплатить.

Он кивнул головой.

– Ты когда уезжаешь? – спросил я Сару.

– Завтра.

– Тогда весь вечер наш. Я без машины, знаешь, люблю смотреть город не из окна автомобиля. Ты готова к пешей прогулке, она будет не проста?

– Готова.

Мы вышли из кафе и спустились вниз с Монмартра. Мы спустились из 18 округа к острову Сите. По пути я рассказал Саре, что Монмартр переводится как «Гора мучеников», в честь Дионисия епископа Парижа. По Новому мосту мы перешли на остров, посидели в сквере Вер-Галан, наслаждаясь видом Сены. Побродили по узким улочкам и, конечно, постояли на кругу перед Собором Парижской Богоматери – сердца Франции. Затем перешли по мосту на остров Сен-Луи, где всё выполнено в стиле старого-старого Пари-

жа, здесь узкие улочки, очень свежий воздух и удивительной красоты постройки. Зашли в шоколадные магазинчики, где она накупила сладостей, а в лавке с украшениями она приобрела сувениры для себя и своих друзей. Я считал себя парижанином, и не мог не угостить женщину, чуть удивив её. Всё это время я рассказывал ей о городе и местах, где мы проходили.

– А теперь, после небольшого похода по магазинам, приглашаю тебя в ресторан, – предложил я голосом, не терпящим возражения.

– Ты думаешь, я откажусь? Ну, уж нет. Даже если это обычный ресторан.

– О нет, это не обычный ресторан, которых множество в столице, так, что она забита ими.

Мы прошли мимо лавки с оливками, и подошли к старинной двери дома номер 39, где была надпись «Nos Ancetres Les Gaulois», что в буквальном переводе означало «Наши предки галлы». Это несколько необычный ресторан. В нем можно хорошо поесть, выпить, и всё это в атмосфере шумной таверны.

– Об этом ресторане малоизвестно туристам, – пояснил я Саре. – Туристы приходят сюда случайно или как ты, пришла со мной, знатоком таких мест. Это одно из лучших мест в городе, хотя бы по обстановке.

И я говорил правду. Официант, который меня узнал, усадил нас за длинный деревянный стол, какие раньше стояли

в пиратских тавернах в портовых городах.

– Тебя здесь знают, – заметила Сара.

– Да, бываю иногда, а иначе места не нашлось бы. Надо заранее заказывать.

И только после обеда мы позволили себе на десерт зайти в знаменитое кафе «Бертильон» (Berthillon), которое славится своим замечательным мороженым.

Мы прошли по набережной острова, с её неподражаемым колоритом, коим не наделена ни одна другая набережная Парижа. Сделали небольшой круг под кронами старых деревьев, спуститесь к самой воде, посидели на лавочке, любуясь видом вечернего Парижа...

– Ну, что, – подвел я итог. – Пора покидать этот маленький аккуратный остров, с его красивыми домами, улочками, которые производят впечатление сказочности, игрушечности. Пошли, еще что покажу.

Я пощадил Сару и на такси мы доехали по набережной до Лебединого острова, где находится Статуя Свободы.

– Обрати внимание, – рассказывал я ей, – лицо её обращено на запад – к своей «старшей сестре», а на табличке в ее руке выбиты две знаменательные даты – даты американской и французской революций. Вообще она родом из Франции, а её создателем был ни кто иной, как сам господин Эйфель. Статую Свободы в 1885 году Франция преподнесла Соединенным Штатам в качестве подарка по случаю столетней годовщины подписания Декларации Независимости

США. Правда, французы почему-то опоздали с подарком на несколько лет. Как известно, США стали независимым государством в 1876 году.

– Тебе бы гидом работать. Я вот и не знала этого. Не думаешь сменить профессию?

– Даже если и захотел бы, не получится, прикипел. В бизнесе есть свои прелести, а для души у меня есть ещё и салон, так, что приходится много читать, чтобы знать город, в котором живешь, в свободное время от работы.

– А оно у тебя есть, свободное время?

– Бывает, как, например, сейчас.

Сара оказалась приятной собеседницей и была очень общительна. Уже когда стемнело, по её просьбе, мы зашли в один из крупных магазинов, где она хотела что-то купить. Мне было не в тягость сопровождать её.

Сара купила всё, что хотела, мы ещё побродили по вечернему Парижу, воздух которого был наполнен благоуханием романтизма и любви.

– И что теперь? – спросила она, когда мы оба решили прекратить хождение по городу. – Я не знаю, как тебя благодарить, какова цена твоей услуги?

– Я денег не беру. Надо жить и духовной пищей, – ответил я, глядя ей в глаза.

– Это я как раз поняла. Кроме духовной пищи есть и иные. Поехали?

Я понял, что она имеет в виду. Всё привело к тому, что

Сара ночевала у меня.

3

Утро было солнечным и приятным, похожим на то, о котором я говорил Саре вчера. Единственное отличие было в том, что мы не пошли в кафе пить кофе, и есть круассаны. Кофе мы пили на кухне. Скванности от проведенной вместе ночи не было, взрослые люди, но вот времени провожать её, у меня не было тоже.

– У меня самолет после обеда, ещё надо заехать в отель забрать вещи, – сообщила мне Сара. – Не надо меня провожать, не будем портить воспоминания о вчерашнем дне, – предложила она, словно прочитав мои мысли. – Встретились – разошлись. Смысла встречаться ещё раз, нет.

– Почему? – спросил я из вежливости, хотя сам считал так же.

– К чему нам эти ненужные воспоминания? Мы же не будем продолжать отношения. Ты не склонен к семейной жизни. Ты эгоист.

– Даже так?

– В хорошем смысле. Эгоист по природе. Ты любишь жить один. Ты не спрашивал ничего обо мне и это замечательно, тебе это не надо, а мне тем более.

– Ты что секретный агент, что не можешь о себе рассказать?

– Кто знает. Чтобы я ни сказала, всё может оказаться ложью.

– Часто приходится лгать?

– Не больше чем другим. Если захочется увидеть тебя, где искать знаю – на Монмартре.

– Я бываю там, но не скажу, что часто, – выдал я ей долю правды, если правда бывает в долях.

Мы допили кофе, я вызвал такси, и Сара уехала, оставив после себя легкий аромат духов. Мне стало легче, теперь я был свободен, и пора было направляться к тайнику. Позволив Элен – директору моего салона, я известил, что задержусь, вздохнув с облегчением, что вновь остался один.

После ухода Сары, я должен был войти в норму своей привычной жизни, жизни своего дома, где был привычный для меня порядок. В нем был уют, созданный мной, чтобы заполнить пустое пространство квартиры, но я свикся с этим порядком. Я привык к тишине, наверное, даже сжился с ней, как и с одиночеством в доме, когда я мог сидеть в кресле, размышляя, зная, что никто не будет меня отвлекать. Неизвестно, смогу ли я вообще жить с кем-либо под одной крышей, чтобы меня не раздражали, пусть и самые приятные люди. Даже временные красотки становились в тягость, как только их роль исчерпывалась. Цинично, конечно, но факт.

И главное, живя с кем-то, обрастаешь привычками. Став нелегалом, я знал, что таких, как я, вычисляют по привычкам, и старался не забывать об этом. Иногда я носил очки,

иногда нет. У меня было любимое вино, но старался не отдавать ему предпочтения, периодически меняя сорта и марки вин. Ходил в самой разнообразной одежде: тёмных и светлых костюмах, джинсах с футболками. Кстати об одежде.

Место, куда мне следовало ехать, требовало подготовки и очень тщательной. Это был район Сен-Дени, достаточно беспокойный район, где жило много иммигрантов из бывших колоний. Днём ещё можно пройти, проехать, как туристу, но у меня была иная задача, я должен был извлечь информацию. Почему её там заложили, я мог только догадываться – видимо связник либо приезжал туда, либо там жил и ему удобнее было провести закладку там. Возможно, он был арабом, а значит и мне предстояло им стать. Искусству гримироваться меня научили.

Около часа я потратил на грим, но оделся более привычно для Парижа: рубашка, джинсы, кроссовки, но достаточно дёшево. В зеркало на меня смотрел мужчина-араб, лет под пятьдесят.

Выждав время, чтобы не попасться на глаза кому-либо из жильцов дома, следующих на работу, я спустился в гараж и выехал.

На машине я доехал до метро, и, припарковав её, спустился на платформу, а затем по 13-ой ветке доехал до станции Базилик-де-Сен-Дени. Далее я углубился в улицы. Мимо, без сирены, проехала машина скорой помощи в сопровождении полицейских. Иначе нельзя появляться в этом райо-

не, были случаи нападения на врачей. Изредка вглядываясь в ряды домов, я прошёл вдоль улицы, и возле обшарпанного дома, свернул в грязный, безлюдный переулок, в который едва слышно доносился шум улицы. «Не могли найти место получше», – в очередной раз подумал я, так как изучал все места тайников заранее, чтобы не тратить время на их поиски и не вызывать подозрения. Я должен был ориентироваться свободно. «Могли бы и в другом районе заложить, арабов по улицам Парижа не гоняют. Ну что ворчать, – успокоил я себя, – как есть, так и надо выполнять задачу».

Я подошёл к невысокому старому дому, построенному более полувека назад. Потемневшие стены, выложенные белым кирпичом, не придавали ему красоты. Между домами-двойниками была небольшая ниша, которую можно заметить, только проходя мимо. Солнце туда не проникало, за счет общей крыши соседних домов, и антрацитовая темень, могла укрыть, если было необходимо. Я, не замедляя шага, шагнул в нишу и в стене одного из домов нащупал щель, из которой извлек маленькую плоскую коробочку, бросил её под картонное дно сумки, которая висела на плече, и вышел, не спеша, направляясь в обратную сторону.

– Эй, приятель, подожди, – услышал я голос за спиной. Обернувшись, понял, что убегать себе дороже. Я увидел направляющихся в мою сторону парней-арабов лет по двадцати.

– Ты что там делал? – спросил один из них. – Мы тебя

раньше здесь не видели.

– Да вот приспичило, – пробормотал я, придав голосу извиняющиеся нотки.

– И ты посчитал, что у нас здесь общественный туалет! Ты ушёл, а мы должны здесь всем этим дышать и жить с запахом твоих нечистот?

– Да я там не первый, – робко произнес я в ответ.

– Но ты здесь чужой. Покажи-ка, что у тебя там, в сумке? – и, видя, мою нерешительность, тот, кто начал разговор, протянул руку и взялся за сумку. Я решил пока не вступать в конфликт, а посмотреть, что будет дальше и принимать решение по ситуации.

Парень открыл сумку, посмотрел и достал из неё пакет, где были бутерброды с сыром, и бутылка воды. Всё это я предварительно положил ещё дома.

– Не густо. Где живешь?

– В Лионе.

– А сюда зачем?

– Вот захотелось посмотреть Париж.

– Посмотрел? Ты что туалеты здесь смотришь? Покажи-ка, что у тебя есть из денег.

Я достал из кармана смятые бумажные деньги, коих было не много: – Вот, всё что есть, – и разжал ладонь.

Он сгреб их у меня с ладони: – Забери, свое барахло, – и протянул мне сумку. Проверять её на ощупь он не стал, и это избавило меня от крайних мер.

– Уматывай.

Я, повесив сумку, повернулся, и в это время один из них, пнул меня ногой, так, что я еле удержался.

– Поторапливайся, а то ещё накостыляем, – и они засмеялись.

Я ускорил шаг и вышел из переулка. Ввязываться в драку мне не хотелось – это привлечь к себе внимание, хотя на них мне потребовалась бы всего минута, другая. Во всех случаях я предпочитал искать мирные решения, а не оставлять после себя лежащих или вообще трупы. Убивать меня учили. Я старался не терять навыков и тренировался систематически в неприметных залах. Использование своих навыков – крайняя мера, иногда надо было и потерпеть.

Проделав обратный путь, я сел в машину и направился в Булонский лес, там припарковавшись, снял грим, и лишь затем направился домой, где первым делом снял одежду и пошёл в душ, смывать остатки запахов и грима.

Уже потом, сидя с чашкой кофе, я приступил к расшифровке послания. Мне следовало отправиться в Латинскую Америку и желательно в Аргентину или в Бразилию. В последнюю ехать было сложнее, там государственный язык португальский, я его почти не знал. В Аргентине испанский, это для меня почти родной. Выбор, въезжать в страну под своим именем или нелегально под чужим, оставался за мной. Всё зависело от возможностей. После того, как я найду канал для выезда и буду готов, мне сообщат данные для связи.

Я сжёг записку, а затем отправился в салон, предварительно выбросив в контейнер для мусора металлическую коробочку и одежду, в которой был в Сент-Дени.

4

В салоне было тихо, лишь Элен просматривала какой-то каталог.

– Что нового? – поинтересовался я.

– Всё не плохо, но надо обновлять экспонаты, в последнее время они хорошо продавались и коллекция поредела.

– Ещё бы, что я зря кручусь возле богатых, обеспеченных клиентов.

– Ладно, кто возле кого крутиться ещё вопрос. Ты, конечно, уделяешь им внимание, но у тебя удивительная способность увлекать их собой – они больше стараются завоевать твоё внимание.

– Неужели это так! – деланно удивился я. – Не замечал. А на женщин это тоже действует?

– К сожалению, – поделилась она. – Видимо есть в тебе что-то.

– Я знаю, что, – уверенно заявил я. – Холост, вот и вся причина. А ты-то как выдерживаешь?

– Пью успокоительные, – улыбнулась она. – Что касается обеспеченных, то сам не прибедряйся. – Элен не знала всех моих возможностей, но, безусловно, догадывалась, что фи-

нансово я был обеспечен, иначе, откуда деньги для покупки произведений искусства. У меня был стартовый капитал в начале своей деятельности, а затем я заработал денег на китайской операции, да и так занимался иногда иной коммерцией.

– У тебя есть предложения, что нам надо приобрести?

– Вот читаю, куда движется мода в области искусства.

– Элен, мода движется туда, куда её направят специалисты, в том числе и мы с тобой. Но ты права, надо что-то свежее. Как ты думаешь, уклон в Латинскую Америку пройдёт?

– Не ново, но можно подумать.

– Вот и думай. Есть у нас специалист по культуре Латинской Америки?

– Мишель Рено.

– Значит, мне надо с ним встретиться.

– Жан, как понимаю, ты собрался за океан?

– Почему бы и нет! Что-то засиделся я здесь, а то скоро завою от скуки.

– В ближайшее время в Лувре будет выставка, один день отдан журналистам и специалистам. Там думаю, будет Рено. Да, ты его знаешь, – сообщила Элен.

– Это такой невысокий, плотный, чуть с залысинами и немного картавит?

– Именно он.

– Пригласительный мне доставать или ты?

– Не утруждай себя. Принесу.

Знакомство с экспертом было важно для дальнейшей деятельности, он мог вывести на нужных и не бедных людей, которые часто и влияют на жизнь и действия тех или иных органов государства. Оплатить поездку Центр мне не мог, но польза от поездки должна быть определённо. Въезжать в Аргентину чисто под видом покупателя произведений искусства, мне не хотелось. Эта поездка неизвестно сколько могла продлиться, хотя я и мог себе это позволить, но это трата средств; надо было искать и другие варианты для поездки.

Если бы я был у себя в Центре, там нашли бы возможности, но отправлять меня из Франции, им было не под силу. Помочь могли только документами для нелегального въезда, но тогда мне пришлось бы исчезнуть из Франции и добираться через третьи страны, а легально только я сам.

Рассчитывать на удачу, было глупо, её надо было организовать. Любую встречу, любое знакомство я должен был направить на достижение цели, тогда удача и не пройдет мимо.

Элен принесла мне приглашение, и в нужный день я был в Лувре, где и «случайно» встретил Мишеля Рено. Я ему представился, он меня узнал и мы сев в уголке, и поговорили о выставке. Я его расспрашивал об особенностях культуры Латинской Америки, а он обстоятельно рассказывал, найдя в моем лице благодарного слушателя. Слушать его было приятно и интересно. Под конец разговора он заметил:

– Я вижу, что вы разбираетесь в живописи, скульптуре. Если надумаете работать в этом направлении я дам вам ре-

комендации.

– Буду очень признателен, – с благодарностью ответил я.

Когда он ушел, то я прошёлся еще раз по залам и направился к выходу, где почти столкнулся с Сержем Дюпоном – журналистом одной из газет, с которым был давно знаком, и в газете, где он работал, иногда публиковали мои статьи.

– Привет, Жан, – окликнул он меня. – Что это ты со стариком Рено беседовал? Интересует культура Латинской Америки?

– Есть такое дело, начал проявлять к ней интерес.

– И в чем он, если не секрет? Пойдем, посидим, выпьем по чашке кофе? Я угощаю.

– И я расскажу тебе о своих планах? Так что ли? – засмеялся я.

– Примерно.

Я не возражал и мы, выйдя из Лувра, направились вдоль набережной, дойдя до ресторана Luncha, зашли, разместившись на открытой веранде.

– Так какой у тебя интерес к Латинской Америке? – начал допытываться Серж.

– Есть мысль съездить, но кратковременная поездка не очень интересна, а длительная затратна, – всё это было правдой, но сама идея у меня появилась, едва я увидел Сержа. Идея, которая хоть и была бредовой, но могла и выжить от скудоумия, в котором я пребывал в поисках канала выезда.

Серж потер кончик носа: – Есть одна идея, только не гово-

ри, нет, сначала подумай над ней. У нас в ближайшее время вернётся из Аргентины корреспондент, а замены пока нет.

– И ты предлагаешь подумать об этом мне? – вымолвил я несколько лениво.

– Предлагать не могу, могу подбросить идею главному редактору. Ты, кажется, знаешь испанский?

– И английский и много чего.

– Вот видишь, – он замолчал, что-то обдумывая, а я не тропил. – Там сложно работать, – признался Серж.

– Догадываюсь. Также как и то, что я не журналист.

– Да брось ты, твои статьи написаны не хуже тех, кто учился журналистике. Зато у тебя может появиться возможность побыть там подольше. Не часто бывает, чтобы удалось совместить личное с работой.

Идея Сержа была, как нельзя, кстати. Это и была удача. Мне было нужно не напрашиваться, а чтобы инициатива исходила от него.

– Не часто, – согласился я. – Мне надо подумать.

– Суток хватит?

– Что ты так торопишься?

– Да я начальник отдела, вот и тороплюсь, а то отправят меня, а у меня здесь семья, а ты один. Так что?

– И чтобы вы без нас холостяков в этом мире делали?

– Нашли бы себе занятие.

– Знаю я ваши дела. Ладно, завтра позвоню.

– Если дашь согласие, тогда я пойду к главному.

Вечер я провел в раздумьях, хотя думать было не о чем и так всё было ясно. Я должен был взять паузу, и нужно было продумать условия, на которых я мог бы поехать, не ущемляя себя в правах перемещения и особенно возможности вернуться. На другой день я позвонил Сержу и дал согласие, но известил, что у меня есть условия.

– Как не быть, – отреагировал Серж. – Я поговорю с главным, и потом тебе перезвоню, условия обговаривать будешь с ним.

– Звони. Мяч на вашей стороне.

Интересоваться, как долго мне ждать ответа, я не собирался, всё должно быть построено так, чтобы они нуждались во мне больше, чем я в них.

Примерно через пару дней Серж позвонил и предложил приехать к ним в редакцию. Когда мы с Сержем вошли в приёмную, секретарь вежливо поздоровалась и разрешила войти к главному редактору. Главный предложил нам присесть и произнес:

– Присаживайтесь. Так вот, разговор у нас с вами серьёзный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу. Прежде чем принять решение, я хотел бы что-то узнать о вас, – поинтересовался он из вежливости, зная ответ.

– Не возражаю, а что именно вас интересует? – спросил я

– Что сочтете нужным сообщить.

– Я знаю несколько языков, интересуюсь искусством. У меня есть интерес к Латинской Америке. Да, что возможно,

вам будет интересно – не женат, так что в этом направлении обо мне печалится из-за моего отъезда некому. У меня ясный ум, я прилежный и приложу все усилия, чтобы оказаться достойным вашего доверия, оказанного мне с вашей стороны, как нанимателя

– Шучу здесь я, – прервал мой рассказ о себе главный. – Если бы не необходимость, то я не выступал бы в роли нанимателя.

Я знал, что это его манера разговора, Серж предупредил меня, что ему нравится, когда его принимают за злодея, хотя был очень порядочным человеком.

– Иезуитских оправданий не будет, – парировал я.

– А вы знаете их девиз?

– Цель оправдывает средства.

– Верно, только цель есть, мы её поставим, а вот средства фиксированы. Не забывайте об этом.

– Учту.

– Мы предварительно обсудили возможность сотрудничества с вами, и о направлении вас в Латинскую Америку в качестве нашего корреспондента, – продолжил главный. – Ваши статьи я прочитал, слог хороший, но там надо не об искусстве, а событиях. Сможете?

– Пока не напишу, не знаю. Гарантий дать не могу.

– Это понятно, – вздохнул редактор. – У нас сложная ситуация. Наш корреспондент заболел и видимо надолго. Его возвращать надо, а человека умеющего писать и знающего

язык, коммуникабельного, сейчас нет, не готовы мы были к этому. Серж предложил вашу кандидатуру, и если я правильно понимаю, вы не возражаете.

– Получается, что я для вас, как затычка, – не считал я нужным подбирать слова, прощупывая их заинтересованность. – Есть брешь и её надо заткнуть, а потом подберете другого, а затычку выбросим.

– Грубо, конечно, но в целом, похоже, – согласился редактор, – кроме последнего слова «выбросим». Должен признаться, что на текущий момент ваша кандидатура случайная наша удача, случайная находка.

– Удача не бывает случайной, – заметил я, и обратил внимание, что редактор в согласии кивнул головой.

– Возможно, вы правы, – снова согласился редактор, – но ваша фраза лишь подтверждает, что вы способны коротко и ясно выразить мысль. Вы умеете думать.

– А для чего еще нужен мозг? Если им не пользоваться, то он отмирает, как не нужный орган, – все чуть улыбнулись, а я продолжал. – Так что потом, когда найдете? У меня там есть и личные интересы.

– Это известно. Как только находим замену, вы можете остаться там нашим внештатным сотрудником, но платить уже тогда будем только за материал представляющий интерес.

– Это уже интереснее. Меня такие условия устраивают и чем быстрее вы примете штатного сотрудника, тем лучше.

Конкуренции я ему составлять не буду, а личного времени будет больше.

– Это всё?

– Мне нужна будет официальная аккредитация и визы в ближайшие страны.

– Я думаю это реально. Насколько я понял, вы планируете побывать и в других странах?

– Это было бы желательно. Мишель Рено, специалист по культуре Латинской Америки, обещал дать рекомендации. Глупо было бы не воспользоваться этим.

– Согласен. Если вы пришлете интересный материал, то примем.

Далее мы обсудили вопросы взаимодействия с редакцией, условия оплаты. Уже когда разговор закончился, главный редактор в упор посмотрел на меня и произнес: – Учитывая, что у вас там дела, не имеющие отношения к редакции, если что с вами случится, пойдет что-то не так, то не связывайтесь со мной, потому, как я не пойму, о чем вы мне, черт возьми, толкуете. Избавьте меня от ваших проблем. Я буду глух. Понятно?

– Более чем.

Все это он сказал, не обращая внимания на мою реакцию. Получив наставления, я покинул здание.

После редакции я поехал в салон и сообщил Элен о своем решении.

– Опять! – грустно вздохнула она.

– Опять, – ответил я. – Но ты уже привыкла. Я тебе буду писать, и присылать открытки.

– Лучше бы сам вернулся, а открытки я могу и здесь купить.

– Вернусь.

– Надолго?

– Не знаю, – пожал я плечами.

На другой день я составил записку в Центр и заложил в тайник.

«Определился канал выезда в Аргентину. Время выезда ориентировочно сентябрь – октябрь. Жду данных о связном на месте. ZERO».

Коротко и ясно. Тот, кто получит, не должен знать под каким видом я туда приеду, под каким именем. В Центре даже не знали моего французского имени, за исключением одного человека. Я не мог попросить у них дополнительные документы, чтобы не знали, кем я могу там ещё быть. Эту задачу я должен был решить я сам. Чем меньше информации обо мне, тем больше степень моей защиты. И я её решил просто. В одном из банков, в сейфе, у меня были паспорта на граждан различных стран. В этот раз я решил прихватить паспорт аргентинца и англичанина.

Я начал готовиться к поездке, встретился с Мишелем Рено и получил от него адреса и телефоны его коллег в различных странах Латинской Америки. Но это было не самое главное. Я начал практиковаться в испанском, изучать карты стран

латиноамериканского континента, дороги, планы городов с улицами, привычки, и местные обычаи. Это хорошо в Центре, там подготовят информацию, а здесь всё приходилось делать самому.

Через неделю я получил сообщение о способах связи, что касалось самого задания, то я его получу по прибытию на место. Это с моей точки зрения было разумно, зачем тащить задание, пусть и в голове, через океан, мало ли, что может произойти. А там я буду уже на месте. Но характер работы я представлял. Задача нелегала – добывать информацию, данные, а анализировать её будут другие. Иногда это было плохо. Только если знаешь сам источник и факты, можно принимать решение. Любой аналитик пропускает данные через себя, и сухая информация преподносится в чуть облагороженном виде. Я рассчитывал, что моя информация не корректируется, а подается в том виде, как я её передал.

Работать в одиночку всегда тяжело, не с кем обсудить. Решения я принимал сам, как сам и выкручивался из ситуаций. Никто меня не признает в случае провала, и никто не обменяет. Меня не было, я давно умер, но как, ни странно, чувствовал я себя очень даже не плохо.

Так прошел месяц, и в начале октября я вылетел в Аргентину.

Едва я вошел в самолет, у меня взяли плащ и проводили к месту в салоне бизнес – класса. Полёт предстоял долгий; примерно тринадцать часов. Около полуночи самолет компании Air France поднялся из аэропорта Шарль Де Голь, и взял курс на Буэнос-Айрес в аэропорт Министро Пистарини.

Как только самолет набрал высоту, в салон вышла стюардесса, проверить пассажиров. Она шла по проходу, с приветливым взглядом, и на просьбы пассажиров участливо откликалась. Её поведение, манера, скорее напоминали не стюардессу на работе, а актрису, играющую роль стюардессы. Мало кто из пассажиров не поддавался её чарам. Иссиня-чёрные волосы, дерзкие зелёные глаза, которые словно рентген просвечивали мужские сердца. Когда она подошла ко мне, я чуть поднял голову.

– У вас всё в порядке? Вам что-нибудь принести?

– Зелье для хорошего настроения.

– У вас что-то не так? – вежливо поинтересовалась она.

– Тоска от разлуки с родиной, хотя там у меня никто не остался, – уточнил я для её сведения, что холост.

– К сожалению, в нашем меню есть только слабительное, – приняла она манеру разговора, понимая игру. – Принести?

– Только если одновременно со снотворным... Но, знаете, принесите мне что-то попить. Если я потом буду спать, то не будите на обед.

Она, молча, кивнула и вскоре принесла бутылочку кока-колы. Я, отпивая напиток, всматривался в темноту ночью.

го неба, предаваясь раздумьям, и незаметно вернулся в своё далёкое прошлое.

Я вспомнил, все три учебных заведения, в результате учёбы в которых и стал тем, кем был сейчас. Но память вернула впечатления лишь двух последних.

Когда я учился в учебке, то нас там учили группами. Учили быстрому переодеванию, когда надо было перебежать из одной комнаты в другую, закладке тайников, передаче информации при касании в общественных местах, хотя мне это ни разу не пригодилось, потому как работал в одиночку и не светился. Интересны были занятия по запоминанию цифр, номеров телефонов. Цифры запоминали по цветам. Каждой цифре свой цвет, например, один – белый, девять – чёрный. В итоге, можно было описывать комнату. А телефоны, когда идёшь по проходу, мимо проходят и называют номер, в это время проходят навстречу, и тоже называют номер. Надо было всё запомнить. Учили слежке, технике ведения разговора, выживанию, тихому нападению, всем видам оружия. Радовали нас занятия по слежке, когда мы выходили в город, стояли перед витринами, в которых отражалась улица, сигналам связи. Нам вдалбливали, что слежка – тень человека. Научили запоминать любые детали и мелочи, развивая всё виды памяти, когда, даже увидев что-то мельком, и не обращаешь на это внимания, а память фиксирует увиденное. Можно запомнить всё, а потом вспомнить увиденное, даже если и не собирался запоминать.

– Вам принести ещё? – Спросила меня та же стюардесса. Я обнаружил, что выпил кока-колу. Ещё ранее, когда она только подходила, краем глаза заметил её, но не стал предварительно обращать на неё внимание.

– Спасибо, не надо. А что у вас соринка в глаз попала? – поинтересовался я.

– Откуда вы знаете?

– Вы чуть-чуть смазали тень в уголке глаза. То, что нака- тилась слеза, не хочется думать. Вынули?

– Да, подруга помогла.

– И как вынула?

– Уголочком платка.

– В следующий раз позовите меня, соринку надо выни- мать кончиком языка.

– Да вы что!?! – искренне с некоторой радостью удивилась она. – Но будете ли вы рядом?

– Многое зависит от вас.

– Я учту ваше предложение.

– Только долго не задерживайтесь.

– Хорошо, сейчас пойду, брошу себе пыль в глаза.

– Лучше пустите её кому-либо другому.

– Например, вам?

– Можно и мне, но тогда вам придется чистить мне глаза.

– И об этом подумаю.

Она отошла, я а лишний раз убедился в том, что трени- ровки не прошли даром, я заметил её приближение, а затем

вернулся к своим воспоминаниям.

Всё это было интересно, но более близко к диверсионной работе. Лишь когда меня, после ранения, начали готовить индивидуально, вот тогда всё было иначе. Это был новый этап подготовки профессионала агента-одиночки: отработка навыков рукопашного боя, радио, компьютер, работа с психологом, тайнопись, фотодокументы, визуальная разведка объектов и многое-многое другое. Такую нагрузку мог выдержать не каждый, но в меня поверили. Время проходило напряженно, я был постоянно занят, но не был лишен комфорта быта. Жил я тогда на вилле, в одной из стран. Преподаватели приходили на «дом». Вилла располагалась на огороженной территории, где я мог иногда прогуливаться. У меня отшлифовывали владение языками, тогда я и выучил китайский, который был нужен для моего первого задания. К своему удивлению я научился бегло говорить по-французски, неплохо говорил на арабском, правда, с письмом были сложности, испанский, а английский знал с детства. Изучал микро – и макроэкономику и другие заумные вещи.

Единственной издержкой всего этого, было отсутствие личной жизни. Я был холост, а для многих и мертв. Ещё за время моей предыдущей казарменной учёбы я, в какой-то мере, отвык от женского общества, если не считать отдельных эпизодов. Видимо, чтобы тебе кто-то понравился надо встречаться, общаться, строить отношения на сближение, всего этого я был лишен, при этом добровольно.

Индивидуальная подготовка выбила из меня мои славянские корни по привычкам, произношению и вычислить их стало просто невозможно.

Что делать? В разведке личного не должно быть, а личной привязанности к женщинам, я должен был избегать, помня, что за каждым преуспевающим мужчиной, всегда стоит женщина, она же могла его и погубить. Это слабость нелегала. За моей спиной никого не было.

Так я пришел в этот мир юнцом, а вышел в великолепной форме, но без друзей. Одиночество не тяготило. «У шпиона нет друзей» – мелькнула у меня банальная мысль. Да и кого они есть, в истинном смысле этого слова? Скорее хорошие знакомые. Хотя, если в общепринятом смысле, то у меня их было множество, которыми я обзавелся, что-то делая, или наоборот, не делая.

Я обречён был в этой, своей второй, жизни, принять облик человека одинокого, родители которого умерли вдали от родины, но я, как и они, остался французом.

– Месье, я вижу, что вы не спите, – вывел меня из раздумий голос стюардессы. – Будете обедать?

– Разве только за тем, чтобы чем-то занять себя, – ответил я на предложение. – Вы же не согласитесь скоротать моё время?

– В вашем вопросе заложен ответ – не соглашусь. Я на работе.

– А вне работы? Я научу вас технике вытаскивания сори-

нок из глаз.

– И только? – усмехнулась она.

– У меня много других скрытых достоинств.

– Видимо, очень они скрыты, иначе, почему вы холосты?

– Поняли, потому что меня никто не ждёт во Франции?

Не люблю показывать достоинства своей души. Как только они проявляются, всё, расставание. Какая женщина захочет быть на вторых ролях? У неё же нет столько достоинств. Но самое главное достоинство – холостяк, иначе я был вам не интересен. Так что скажете?

– Всё возможно, – уклонилась она от прямого ответа. Её зеленые глаза излучали лукавство.

– Тогда, если нам суждено будет ещё увидеться, то моё предложение остаётся в силе, но в Аргентине.

– Договорились.

– А что вы предложите мне сейчас?

Я выбрал блюда, перекусил и после обеда немного поспал. Когда проснулся, то за иллюминатором, на безоблачном небе, светило солнце. Полёт подходил к концу. Мы прибывали около девяти часов местного времени, так что день только начинался, а в Париже было ещё пять часов утра.

Под крылом замелькали здания, вереницы машин на шоссе. Посадка прошла по расписанию. Фонари посадочной полосы слились в сплошную линию. Юркий диспетчерский «форд» подкатил к самолету, и огромный лайнер, ревя моторами, послушно двинулся за ним.

Самолет подрулил к зданию аэропорта. Открыли дверь самолета, и в салон, горячей волной, ворвался тугой воздух, сдобренный асфальто-бензиновыми запахами аэропорта. Рукав подвинулся к выходу самолета. Я вышел последним. Уже на выходе я спросил, обращаясь к стюардессе?

– А как вас звать, в будущем? – хотя на её бейдже было имя, но мне хотелось услышать, от неё, как возможность для дальнейшего знакомства.

– Жаннетт, – улыбнулась она, и в её интонации не прозвучало дежурного ответа.

– А меня Жан. Всего доброго, Жаннетт, до встречи, – и пошёл по проходу.

Таможня, пограничный контроль отняли не более получаса. Получив свой чемодан, я вышел в зал прилёта, где стояли встречающие с табличками, на одной из которых я увидел своё имя. Её держал лысый брюнет, лет сорока, одетый в светлую рубашку и брюки.

– Здравствуйте, это я – и указал ему на табличку, что он держал.

– А меня зовут Андре, – весело произнес он. – Будем знакомы. Нам предстоит часто видеться. Пойдёмте.

Я подхватил чемодан, и мы вышли на стоянку, где погрузив вещи в его машину, отъехали от здания аэропорта. Мне было интересно наблюдать за пейзажем, проносившемся мимо. Трудно представить, что я снова в Южной Америке, где когда-то был проездом, хоть и вынужденным. По дороге из

аэропорта не было пышной листвы, и зной витал в воздухе.

– Впервые здесь? – поинтересовался Андре.

– Да, – ответил я, не собираясь посвящать его в предыдущие свои посещения Латинской Америки.

– Как и любая страна, она имеет свой колорит, особенно славится карнавалами и жгучими женщинами. Это надо видеть, но у тебя всё ещё впереди. Об этом можно говорить и писать сколько угодно, но всё будет не то. Это надо видеть. Давно занимаешься журналистикой? – перевёл он разговор.

– Достаточно, – не вдавался я в даты.

– Испанский знаешь, как полагаю?

– Есть такое дело. Немного и английский.

– Тогда порядок, здесь в ходу много языков, кто только не живет: китайцы, арабы, итальянцы. Вообще, Буэнос-Айрес в Латинской Америке имеет статус Парижа. Здесь, как вавилонское столпотворение, наложенное на латиноамериканскую основу. Тебе придется окунуться в эту жизнь напоказ.

– Не понял? – искренне удивился я.

– Здесь любят показывать больше, чем имеют в действительности. Любят вечерами ходить в кафе, рестораны, в общем, вести жизнь вне дома. Пока начнется лето, а оно здесь с декабря, привыкнешь, а потом уже дожди.

– А машину арендовать где?

– Подберем.

– А что с прежним журналистом, – поинтересовался я. – Чем он заболел?

Андре засмеялся: – Заболел! – Но затем резко оборвал свой смех. – Не болел он ничем. Что произошло, никто не знает. Избили его и сильно, но шум поднимать не стали. Видимо влез, куда не следует, хотя здесь народ добрый, но, как и везде, есть свои тайны жизни. Ты если что, спрашивай, наши кабинеты рядом.

– А почему попросили тебя встретить?

– Так пока никого не было от вас, я помогал вашей газете. Не бесплатно, конечно. У нас общая секретарша, чтобы заниматься бумагами и отвечать на звонки.

Так за разговорами мы въехали в город и влились в поток машин. Я с интересом рассматривал архитектуру зданий – испанское барокко. Андре вёл машину по загруженным улицам города уверенно, и проезжая по одной из них, указал мне на трехэтажное здание: – Вот здесь наш офис, а я тебя отвезу в гостиницу, что рядом, чтобы было не далеко добираться.

– А квартиру снять?

– Это тоже решаемо, всё зависит от возможностей. Понятно, жить в гостинице сложнее, все-таки не на один день приехал туристом. Симона поможет.

– Это наша секретарша? – уточнил я.

– Она, милая, она.

– Даже милая?

– С ней иначе нельзя, но для меня она только коллега.

– Думаю, для меня тоже будет.

– И это правильно.

Проехав мимо здания, где располагался офис, он ещё проехал метров двести, и, свернув направо, въехал в узкую улочку, остановившись перед небольшой гостиницей. Фасад здания был светло бежевого цвета. Дверь цвета мореного дуба пропустила нас в холл, где улыбаясь, нас встретил администратор – молодой мужчина.

– Номер для Жана Марше, – известил его Андре. – Ты устраивайся, – обратился он ко мне. – Мне надо идти, дела, а завтра я загляну. Отдыхай, все-таки разница во времени и перелёт. Или прогуляйся по улочкам, только не заблудись. Всё, я пошел, до завтра, – и Андре вышел на улицу.

Оформив проживание, я поднялся в свой номер, что располагался на втором этаже. Номер был достаточно удобным, среднего размера; окна выходили на улицу, по которой мы подъехали. На противоположной стороне был жилой дом, где на подоконниках стояли яркие цветы в горшочках.

Распаковав вещи и приняв душ, я переоделся и сел в кресло возле письменного стола, продумывая план действий на сегодняшний день и на ближайшее будущее. Надо было выйти в город известить Центр о своем прибытии, чтобы ждать задания, а пока вживаться в роль журналиста, потом посетить местного знатока искусства, адрес которого мне дал Мишель Рено.

Поразмыслив, я не стал откладывать дела и покинул гостиницу. Город был мне знаком, его карта была у меня отпе-

чатана в голове, немало потратил я времени не её изучение. Потом, когда найду квартиру, приступлю к более детальному изучению. Я доехал до улицы Флорида, где посидел в самом старом кафе страны и вернулся в гостиницу.

6

Утром Андре заехал за мной в половине девятого.

– Завтракал? – поинтересовался он, после приветствия.

– Да, в кафе рядом с гостиницей.

Я проснулся рано и, узнав у администратора, где можно позавтракать, выпил чашку кофе и съел два элеконадас (маленькие пирожки с рубленным мясом, оливками и яйцом).

– Тогда в путь?

– Ты же сказал, что офис близко?

– Но я, же за тобой заехал?

Через пять минут мы зашли в офис, который состоял из общей комнаты, где располагалась наша секретарша – Симона. Она сидела за большим столом, на котором стояли телефон, факс, ксерокс, лежали папки, на отдельном столике компьютер. В комнате было два шкафа и пара стульев возле её стола. Налево и направо две двери.

– Твоя дверь направо, – объяснил мне Андре, и после познакомил меня с Симоной. Это была крупная, но не толстая, высокая женщина, лет тридцати пяти. Чёрные волосы, спадали на плечи, выразительные глаза смотрели на меня с лю-

бопытством. Андре объяснил, что она замужем и у неё двое детей.

– Ты с какой целью мне сообщил об этом? – задал я вопрос.

– Только с познавательной.

Симона улыбнулась: – Будем знакомы, – у неё был приятный грудной голос.

– Предлагаю провести маленькое совещание прямо здесь. Свой кабинет посмотришь потом. Симона сделай кофе, – попросил Андре.

Мы расположились на стульях вокруг её стола. Когда кофе был готов, Андре начал своё введение меня в курс дел.

– Буэнос-Айрес очень славный город, добрый и приветливый. Аргентинцы доброжелательные люди, очень общительны и тебе надо будет привыкнуть к тому, что они болтают без умолку, и могут нести всякую чушь, лишь бы говорить. Поэтому, если дорожишь временем, то сначала подумай, готов ли ты к долгому разговору ни о чем, или извиняйся и спешно уходи.

– А кроме чуши, что ещё говорят?

– А вот ты и проявишь свои способности, чтобы отделить суть, что тебе интересна. Ещё одна особенность – они часто не обязательны и не пунктуальны, – при этом он посмотрел на Симону, а та улыбнулась в ответ на его взгляд, подтверждая его слова, – так, что если ждешь женщину, – продолжил Андре, – то имей в виду, это не значит, что она придёт

вовремя.

– А что, в других странах женщины иные? – удивлённо спросил я.

– Везде одинаковы, – согласился он, – но здесь это относится и к мужчинам.

– У меня не дойдет дело до свидания с мужчинами, – произнес я, придав голосу уверенность. Симона легко засмеялась, а Андре хмыкнул. – Надеюсь. Эту страну иногда называют «Маньяния», от слова «manapa» – завтра. Я правильно говорю? – обратился он к Симоне, и та утвердительно кивнула головой. – Их обязательства – завтра. Что ещё?

– А ты сам здесь давно? – спросил я

– Уже три года, с женой, – уточнил он, – дети взрослые остались во Франции. Насколько мне известно, ты не женат.

– Верно.

– Всё впереди. Может быть, встреча ждет тебя здесь, но учти, женщины здесь, очень знойные, могут и сами пойти на контакт.

– Все!?

– Ну, что ты, нет, конечно, но они такие страстные. Ещё запомни, что здесь три приоритета: футбол, секс, мясо. Все остальное вторично.

– Футбол все-таки на первом месте?

– Это когда идет матч. Что ещё сказать.

– О районах, – напомнила Симона.

– Все районы к югу опасны, что на севере – престижно.

Район Палермо – всегда ночная жизнь. На улицах Defensa и Chili много баров с живой музыкой. Есть вопросы?

– Хотел бы найти квартиру, арендовать машину, познакомиться с коллегами.

– Ты посмотришь график различных мероприятий, куда нас, журналистов приглашают. Выберешь сам, Симона подаст документы на твою аккредитацию, даже если их подвали из Франции. При первой возможности я познакомлю тебя с коллегами из других газет и журналов. Машина... Симона даст адрес салона, а квартиру через агентство, она также даст тебе телефон. Приготовила?

– Всё у него на столе.

– Умница. Тогда приступай, знакомься с бумагами, знакомься с городом. Тебе его показать?

– Спасибо не надо, хочу увидеть его своими глазами, чтобы иметь своё представление. Ещё. Как по поводу цензуры?

– Если ты имеешь в виду, будешь ли ты представлять интерес для спецслужб, то думаю, будешь. Впрочем, как и везде. Но все-таки не лезь, куда не надо.

– А куда не надо?

– В их внутренние разборки, в их отношения с США, как и в дела контрабанды. Береги свою жизнь. Это понятно?

– Более чем.

– Тогда у меня всё.

Я прошёл в свой кабинет. Это была небольшая комната. Напротив двери стоял стол, кресло спинкой к окну, которое

было закрыто жалюзи. Имелся кондиционер. Слева от входа шкаф для бумаг, справа небольшой диван, а у стола стул. Я прошёл и сел за стол, на котором лежал список приглашений и встреч, куда я мог пойти, телефон агентства по аренде квартир и автосалона. Позвонил в агентство, договорился о встрече, аренду машины отложил, надо изучить город, пройдя его пешком и на общественном транспорте. График особо не заинтересовал и решил всё-таки начать с жилья. Надо было открыть счёт в местной валюте. В какой банк обратиться, я знал, ещё в Париже мой банк дал мне сведения, обеспечив дорожным чеком.

Выйдя в приемную, я известил Симону:

– Пойду, займусь знакомством с городом и поиском жилья. Сегодня уже не буду. И мне нужен банк, – и сказал ей название.

– Это здесь рядом, выйдешь, сверни налево и через пять минут будешь на месте. Не заблудись.

– Постараюсь, – и, попрощавшись, вышел.

Войдя в прохладное помещение банка, я очутился в небольшом, но уютном вестибюле. Было немногочисленно, царил тишина, присущая подобным организациям. Едва я вошёл, навстречу мне подошла милостивая девушка:

– Добрый день. Вы у нас впервые?

– Да, хочу открыть счет.

Она предложила мне следовать за ней, и, постучав в дверь, вошла в кабинет, где за столом сидел смуглый красавец.

– Господин, Орселе, к вам клиент, хочет открыть счет.

– Очень приятно. Вы откуда?

– Из Франции.

– Присаживайтесь. Как вас зовут?

– Жан Марше. Я приехал, как журналист.

– Если вам удобно, то могу говорить по-французски, – предложил Орселе.

– Не надо, я понимаю, да и для практики полезно.

– Как вам будет угодно. Я заместитель управляющего данного отделения. Вы свободны, – обратился он к девушке, и когда та вышла, спросил: – На какую сумму хотите открыть счет? В какой валюте?

– В песо, но пригодится и счет в иной валюте. Деньги я переведу из Европы. А сумма? Я думаю пару сотен тысяч в долларовом эквиваленте.

Ни один глаз не моргнул у Орселе, хотя думаю, что не часто журналисты открывают такие счета.

– Вид счета простой или номерной?

– Простой, но так чтобы я смог снимать деньги без ограничения по карте банка или по чековой книжке.

– Никаких проблем. У вас будет чековая книжка на ваше имя, и вы можете получить ваши деньги во всех отделениях банка страны.

– А в других странах?

– Также и там, где есть наши представительства.

– А как у вас с отделениями в районах?

– Смотри, какой район. Карточки, чек, а иногда и наличные.

– Понял.

– Ваши документы, удостоверяющие личность? – попросил он.

Я протянул ему паспорт, он внимательно просмотрел его, а затем по телефону вызвал служащую.

– София, подготовьте документы для открытия счета и чековую книжку для поступления денег.

– Не надо ждать, – и я подал ему дорожный чек, на озвученную сумму.

– Вы его так просто носите?

– Он же именной

– Тем не менее, надо быть осторожнее. Всё упрощается. Выпишите книжку по этому документу, – он отдал девушке мой паспорт. – Пройдите вместе с ней, подождите, пожалуйста.

Я вышел вслед за Софией, а Орселе отправился проверять мой чек. Через десять минут он вернулся и, подойдя к Софии, взял у неё чековую книжку, посмотрел и отдал мне.

– Спасибо, что выбрали наш банк, мы будем всегда к вашим услугам и будем стоять на страже ваших интересов. Карточка будет через пять минут.

– Я бы хотел получить часть наличными.

– Получите их по чековой книжке. Я прощаюсь с вами, – он пожал мне руку, и улыбка исказила его лицо, ещё бы жур-

налист, а открывает счет на приличную сумму. Глаза его оставались холодно-изучающими, настороженным.

– Всего доброго, – ответил я, и после получения карточки и небольшой суммы наличных, вышел из банка.

Чековая книжка была нужна, не всегда можно рассчитаться с карточки. Дел у меня было не мало. Город я предварительно изучил по карте ещё во Франции, но теперь надо было ходить пешком, откладывая в памяти дворы, улицы, переулки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.